

Вспоминая Александра Лурию...

М. Коул

Калифорнийский университет Сан-Диего (США), Сан-Диего, США
e-mail: mcole@ucsd.edu

Для цитаты: Коул М. Вспоминая Александра Лурию... // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 3. С. 54–57. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180306>

Remembering Alexander Luria...

M. Cole

University of California San Diego, La Jolla, USA
e-mail: mcole@ucsd.edu

For citation: Cole M. Remembering Alexander Luria... *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 3, pp. 54–57. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180306>

Прошло 60 лет с момента моей первой встречи с Александром Романовичем. Я был 24-летним американским психологом со степенью доктора философии в области математической теории обучения, участником недавно созданной программы обмена молодых ученых между США и СССР (рис. 1). Он был 60-летним советским психологом, который пережил репрессии, Вторую мировую войну и сталинизм. Кроме того, он был всемирно известным психологом, специализирующимся на нейропсихологии. У меня не было ни малейшего представления о том, чего ожидать от этого года за границей. Я не мог себе представить, что этот год в Москве после защиты докторской диссертации приведет к череде событий, которые свяжут мою жизнь с его жизнью и станут частью как его, так и моей собственной биографии.

Мое эссе разделено на две части. Первая — это рассказ о том, как Александр Романович оказал такое глубокое влияние на мою последующую карьеру. Вторая — размышление о сложной взаимосвязи между тем, что я знал, и тем, что я мог озвучить, учитывая исторические обстоятельства того времени.

Как много может изменить один год!

В тот первый год в Москве Александр Романович организовал для меня участие в исследованиях нескольких различных лабораторий, каждая из которых занималась использованием условно-рефлекторных методов для изучения научения. Я также сопровождал его на больших обходах в Институте имени Бурденко, где наблюдал, как

Рис. 1. Майкл Коул в своей комнате общежития Московского университета (1962 г.)

он общается с отдельными пациентами, и участвовал в лабораторных дискуссиях. Александр Романович был знаком с существующими англо-американскими методами психодиагностики черепно-мозговых травм, но не очень их ценил. Получив медицинское образование, он разработал методы диагностики черепно-мозговых травм, основанные на его собственной теоретической базе. Мне, почти незнакомому с этой теоретической базой, он казался волшебником, вытаскивающим кроликов из шляпы. В каждом случае его диагностические процедуры и стратегия реабилитации были приспособлены к конкретному пациенту гибким, но четким, теоретически обоснованным способом. Он практиковал в то время, когда современные методы визуализации полностью отсутствовали; как следствие, его диагнозы послужили ориентиром для последующей операции.

Это был увлекательный год во всех отношениях. Проживание в студенческом общежитии МГУ представляло уникальную возможность взаимодействовать с академической элитой советского общества. У нас сложились дружеские отношения длиной в жизнь, которые пережили бурные полвека. Однако, когда мы покинули Москву, я очень хотел вернуться к своей карьере после года отсутствия, года, который мои сверстники считали упущением, угрожающим карьере. Затем произошло событие, которое изменило траекторию моих собственных планов и вновь свело меня с Александром Романовичем таким образом, что в последующем мои отношения с ним продолжали развиваться.

Вскоре после возвращения из Москвы комитет преподавателей математики выбрал меня для месячной поездки в Либерию в рамках международного проекта по математическому образованию. Им нужен был психолог-экспериментатор, чтобы поддержать инициатора проекта в текущем проекте. Я был единственным их кандидатом, который мог приехать в кратчайшие сроки, потому что у меня был действующий паспорт. Немного подготовившись, я оказался в глубинке Либерии.

Этот первый опыт сельской, неграмотной, первозданной культуры заставил меня переосмыслить многие мои прежние предположения об изучении психологических процессов. Как новоиспеченный психолог-экспериментатор, я должен был каким-то образом перевоспитать себя, если собирался серьезно относиться к культурному контексту, делая заявления о психологических процессах. Это перевоспитание началось с Александра Романовича.

Незадолго до отъезда из Москвы он рассказал нам немного о своем проекте в Средней Азии в начале 1930-х годов. Одно открытие особенно запомнилось мне: взрослые в его исследовании оказались неспособными рассуждать о логических силлогизмах. Я стал переписываться с Александром Романовичем, чтобы узнать больше о его проекте и о том, как он связан с работой, с которой он познакомил меня во время моей постдокторантуры. Поначалу я ничего не добился. Он был занят тем, что писал о других аспектах своей работы, и данные нуждались в дальнейшем анализе.

К счастью, Александр Романович попросил меня вернуться в Москву летом 1966 года, когда я планировал провести в Либерии второй раунд исследований когнитивных последствий образования. Он попросил меня поработать с оргкомитетом предстоящего международного психологического конгресса, чтобы справиться с большим, чем планировалось, числом англоговорящих спикеров, нуждающихся в помощи. Взамен он предложил проводить со мной по часу в день для того, чтобы я мог ознакомиться с его материалами по Центральной Азии и последними исследованиями в области изучения культуры и развития.

Это слияние моего острого интереса к роли культуры в развитии человека с давно зарытой сокровищницей исследовательских работок Александра Романовича и обеспечило непреходящее влияние А.Р. Лурии на мою жизнь. Не менее важным было мое более зрелое понимание всеобъемлющей теоретической основы, к которой он подталкивал меня с самого начала («Читайте Выготско-

го»). Именно теоретическая структура, которая создала мост между данными о связи кросс-культурных исследований исторических изменений и павловского исследования развития значения слова, привела меня к нему в первую очередь. Впоследствии он опубликовал это исследование сначала в небольшом специализированном сборнике очерков по истории и психологии в России, затем в переводе этой статьи для публикации в США и, наконец, в виде полной монографии.

Наши последующие исследования включали ряд задач, которые он использовал много лет назад. Он, в свою очередь, организовал для Пеэтера Тульviste новую серию исследований в отдаленной части Сибири. Затем работа Пеэтера повлияла на мою собственную, воспроизведя более ранние открытия и расширив их. В то же время это заставило меня примирить мое утверждение о превосходстве культурного контекста в развитии (релятивистский взгляд) с идеей культурной эволюции и исторического прогресса. В настоящее время эта точка зрения известна как «контекстуальная культурно-историческая психология» или «культурно-историческая теория деятельности».

После полутора десятилетий кросс-культурных исследований логика моего исследования и обстоятельства моей семейной жизни требовали изменений (невозможно вести нормальную семейную жизнь и вести нормальную кросс-культурную работу без более глубокого погружения в изучаемую культуру). Мои попытки соединить психологию и антропологию пришлось осуществлять другими средствами. Я пришел к выводу, что дальнейший прогресс требует от меня проведения исследований в хорошо знакомой мне культуре — моей собственной.

Этот сдвиг в обстоятельствах позволил заняться проблемой, в которой социальные вопросы в США совпали с моими собственными по поводу основного методологического вопроса в психологии всякий раз, когда речь идет о культуре: вопрос об экологической валидности психологических тестов и экспериментальных процедур. В США эта научная озабоченность выразилась в критике использования тестов интеллекта в качестве меры интеллекта, интерпретируемой как расовые различия. В культурно-исторической теории она проявляется в бесконечных спорах и недоразумениях по поводу идеи о том, что понятия выше других, «бытовых» форм мышления, и в убеждении, что их собственное общество более добродетельно, чем «Другое».

Чтобы решить эту проблему, мы проводили исследование различий в решении проблем у детей в зависимости от социального контекста; в какой степени возможно идентифицировать и сравнивать процессы, выявленные в психологических тестах, чтобы определить, являются ли они репрезентативными для процессов, происходящих в повседневной жизни. В ходе этого исследования мы столкнулись с ребенком, клинически идентифицированным как неспособный к обучению. Одна группа исследователей наблюдала и снимала на видео занятия в классе и выполнение специально отобранных тестов. Другая группа исследователей наблюдала за ребенком, когда он вместе со своими одноклассниками участвовал во внеклассных мероприятиях, сконцентрированных на чтении. Две группы исследователей намеренно не об-

суждали свои выводы друг с другом в течение первых нескольких месяцев сбора данных.

В дружеской суматохе проведения исследования никто не заметил ничего необычного в его способностях к обучению. Чтобы выяснить, как возникло это несоответствие, мы внесли неявные изменения в организацию группы и воспользовались обычно возникающими вариациями. Теперь, когда мы просмотрели видео в ряде ситуаций, стало ясно, что ребенок отлично понимал задачу в целом, но с трудом читал, когда социальные обстоятельства не оставляли ему другого выбора, кроме как безуспешно бороться на виду у своих сверстников. Он мастерски умел включаться в групповую деятельность стратегически, скрывая источник своих трудностей. Такие результаты связаны с нашим анализом специфики трудности, которую испытывает ребенок при овладении чтением (даже простое расшифрование было трудной задачей), они также четко отделяют их от представления об общей трудности обучения.

Эти наблюдения мотивировали нас напрямую объединить наш контекстуальный подход к обучению и культурно-исторический подход Александра Романовича. Мы стремились организовать занятия в малых группах, которые могли бы стать как диагностической, так и корректирующей процедурой для детей, не умеющих читать в течение первых 6 лет обучения в школе. В рамках этой деятельности мы включили комбинацию концепции двойной стимуляции Л.С. Выготского и методики сопряженных моторных реакций А.Р. Лурии, чтобы создать внеклассную деятельность для детей, которые явно не могли овладеть грамотой. Специфика деятельности не важна в данном контексте, но стоит подчеркнуть два вывода. Во-первых, эта работа совпала с предписаниями Татьяны Ахутиной по созданию коррекционных занятий для таких детей, указывая на их общие корни с идеями Александра Романовича. Во-вторых, мы поняли, что как только мы взяли за обучение «необучаемых» детей, наши социальные обязательства перед субъектами нашего исследования значительно изменились. Впервые мы взяли на себя ответственность за благополучие детей, когда они были в наших руках. Наша роль в качестве объективных экспериментаторов вошла в конфликт с нашей обязанностью изменить мир к лучшему. Теперь нам нужно было сделать больше, чем заявить о зонах ближайшего развития, основываясь на средних различиях между группами детей по некоторому стандартизированному показателю. Александр Романович понял бы разницу.

А.Р. Лурия заканчивает свою автобиографию описанием двух тематических исследований. Эти попытки (одна с мнемонистом, другая с инженером с травмой мозга) отличались от его исследований рассуждений узбекских крестьян или роли речи в развитии самоконтроля, или даже от большинства пациентов, которых он наблюдал в качестве нейропсихолога в клинике. Каждый случай растянулся на многие годы, и в каждом случае он выступал и диагностом, и терапевтом. Именно в смешении этих двух ролей возникла форма психологического исследования, которую он назвал романтической наукой.

На мой взгляд, чтобы понять теоретическую важность версии романтической науки А.Р. Лурии, важно

осознать, что исследование в этой форме позволило ему удовлетворить его давние амбиции разрешить две центральные проблемы, которые преследовали психологию с момента ее зарождения в 19 веке: как нам примирить естествознание с культурной природой человека и как нам примирить номотетические законы, применимые к человеческим популяциям, с реальностью индивидуальных идиографических жизней.

Впервые я столкнулся с идеей романтической науки в начале 1970-х, когда редактировал автобиографию А.Л. Лурии. В последующие десятилетия эта идея привела меня к тому, чтобы описать свои собственные попытки соединить психологию с антропологией, эксперимент с наблюдением, личное с социальным, теорию с практикой.

Сказанное и неслышанное в биографических повествованиях

Особая трудность в написании статей об А.Р. Лурии возникает из-за двух, слившихся воедино, аспектов — его нелюбовь к тому, чтобы писать о себе вне своей роли ученого, и проживание на протяжении всей жизни в СССР. Начиная со своего первого автобиографического сочинения в начале 1970-х годов, он настаивал на том, что: «Конечно, не кажется необходимым, чтобы участник тома “История психологии в автобиографии” писал автобиографические заметки, исходя из предположения о том, что он должен рассказать обо всех событиях своей жизни. Это было бы не только недостаточно скромно, но и не по делу. Серия таких автобиографических очерков вряд ли могла бы дать истинную картину истории науки. <...> Отдельные люди приходят и уходят, внося в общее дело какие-то, для них недостаточно отличительные знания» (с. 253).

Чтобы подчеркнуть неуместность своей личной автобиографии в истории науки, он придерживался того же мнения и в отношении истории своей семьи, своих научных достижений и наград. Только после этого он обращается к описанию собственной исследовательской программы. Он почти полностью сосредоточивает повествование на исследованиях, связанных с развитием теории Выготского, упомянув вскользь о своих кросс-культурных исследованиях. Он описывает социальный контекст своего исследования только в общих чертах: «Научная атмосфера Советской России в XX веке, как отмечали многие авторы, была очень необычной, если не сказать уникальной. Великая социалистическая революция, которая когда-либо могла произойти, только что имела место. Она произошла в экономически отсталой, но обладающей сильными интеллектуальными традициями стране» (с. 255).

Автобиография А.Р. Лурии 1979 года представляет собой значительно расширенный отчет о его научной жизни. Но в нем практически не упоминается социальный или личный контекст, кроме как подчеркиваются огромные возможности, которые революция открыла для его поколения. Как следствие, читателю не остается никакого объяснения логики, связывающей его различные проекты, кроме его встречи с Л.С. Выготским и развития культурно-исторической психо-

логии. Я ездил в Москву специально, чтобы обсудить с ним рукопись, но он уклонился от моих вопросов.

Когда я писал предисловие к английскому изданию его автобиографии, мне было хорошо известно о нежелании Александра Романовича включать свои личные обстоятельства в описание работы. Я перевел его более раннее автобиографическое эссе. По совести, я чувствовал себя обязанным следовать его явным желаниям. Соответственно, я намеренно написал вводное эссе об историческом контексте его карьеры в чисто научных терминах — как он того и хотел. Для эпилога я описал свой год в Москве и первые годы моего участия в его теоретической разработке. Я позволил себе предоставить достаточно информации об обстоятельствах его жизни, чтобы средний американский читатель мог хотя бы мельком увидеть общую логику, лежащую в основе важных проектов, которые, на первый взгляд, имели очень мало общего друг с другом.

Мне действительно удалось написать хорошее историческое введение. Также как и рассказать всю историю только в научно-историческом контексте. Цензоры убрали только одно упоминание (о Сталине и событиях начала 1950-х годов), которое я посчитал допустимым спустя 25 лет. С эпилогом дела обстояли совсем по-другому; все ссылки на массовые общественные события, только косвенно подтверждающие выбор А.Р. Лурией той или иной темы для изучения, должны были быть удалены (ни крестьян в Узбекистане, ни близнецов, ни детей с аномалиями развития, только до-Выготский и пост-Выготский период).

Последующий спор привел к остановке публикации книги. Семья Лурии настаивала на том, чтобы мой эпилог был напечатан в своем изначальном виде. После года переговоров Елена Лурия попросила вмешаться Владимира Зинченко, известного культурно-исторического психолога и друга семьи Лурии. Володя так искусно минимизировал пропуски, что любой русский читатель мог бы заполнить пробелы. Что же касается американского читателя, только самый информированный и внимательный мог составить приблизительное представление о драматических обстоятельствах жизни А.Р. Лурии и их отношении к его творчеству.

После распада СССР я начал сотрудничать с Карлом Левитиным, известным научным журналистом, который много писал о психологии Выготского и был

другом семьи Лурии. Мы договорились перепечатать оригинальную автобиографию и два моих эссе, на этот раз добавив наше собственное, современное понимание того, что я написал в то время. Я не буду повторять наш рассказ о стечении обстоятельств. Желающие прочесть его могут найти текст на сайте: luria.ucsd.edu.

В последние десятилетия несколько ученых написали свои собственные отчеты о жизни и карьере А.Р. Лурии. Вместо того, чтобы повторять то, что написали другие, я приведу дискуссию с Татьяной Ахутиной при подготовке этого эссе. Я жаловался, что слишком часто писал об Александре Романовиче и не мог предложить ничего нового. Она ответила: «Но ведь мы были хорошими учениками, не так ли?» Мы, вне всяких сомнений, пробовали ими стать.

* * *

Когда я решил написать об Александре Романовиче в эпилоге к его автобиографии, я начал со следующей эпитафии, приписываемой афинскому барду, зарабатывающему себе на жизнь покровительством важных, богатых людей, которым он пел дифирамбы в обмен на признание его исключительности: «Так что я никогда не растрату свою жизнь в тщетных бесполезных надеждах, ища то, чего не может быть; безупречный человек среди всех нас тот, кто питается плодами широкой земли. Но я хвалю и люблю каждого человека, который не делает ничего низменного по доброй воле. Против необходимости не борются даже боги». — *Симонид*.

Как я узнал из многочисленных визитов в Москву в рамках продолжающихся программ академического обмена, завершившихся вместе с распадом СССР, Александр Романович не был безупречным человеком. Скорее, он был, как говаривал Карл, «порядочным человеком в непристойной ситуации». Это был высший комплимент.

Я хочу закончить эти замечания следующим обращением. Вспомните это эссе. Обратите внимание на то, что я подготовил этот текст без каких-либо угрожающих жизни Александра Романовича подробностей личных обстоятельств, позволивших ему пережить Сталина. Смог бы я, как нормальный человек, выдержать тот ужас? Смогли бы Вы?

References

1. Luria A.R. (1974). A.R. Luria, in *A History of Psychology in Autobiography*, Vol. VI. G. Lindzey (Ed.). Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974.

Информация об авторах

Коул Майкл, PhD, заслуженный профессор, почётный профессор в области психологии, коммуникации и развития Калифорнийского университета Сан-Диего, член Российской и Американской академий образования, член Американской ассоциации науки и искусств, США, mcole@ucsd.edu

Information about the authors

Cole Michael, PhD, Distinguished University Professor of Psychology, Communication, & Developmental Science, Emeritus, University of California, San Diego, Member of the Russian and American Academy of Education, & American Association of Arts and Sciences, USA, mcole@ucsd.edu

Получена 23.07.2022

Принята в печать 25.08.2022

Received 23.07.2022

Accepted 25.08.2022